Любовь, вспыхнувшая в огнях ночного родео

18+

Reckless

БЕЗРАССУДНЫЙ

ЭЛСИ СИЛЬВЕР

Элси Сильвер

Безрассудный

Серия «Тропы суровой нежности», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74748911
Безрассудный / Элси Сильвер: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-220662-7

Аннотация

Четвёртая книга в серии «Тропы суровой нежности» Элси Сильвер, автора бестселлеров №1 по версии New York Times. Продолжение романов «Безупречный», «Бессердечный», «Бессильный». Международный бестселлер и абсолютный хит зарубежного книжного сообщества.

Хит Буктока. Готовится экранизация.

Внутри воздушные и нежные вклейки на мелованной бумаге с сюжетными иллюстрациями от lavenderqueen.

История с тропами «второй шанс» и «маленький городок», в которой дерзкий наездник Тео пытается растопить сердце сдержанной и неприступной Уинтер.

Тео Сильва – сексуальный наездник на быках и неисправимый сердцеед. Уинтер Хэмилтон с первого взгляда понимает, что ему нужно. Однако девушка только что вырвалась из оков токсичного

брака и поклялась больше не связываться с мужчинами. Поэтому в Тео она видит лишь искушение, за которым почти наверняка последует боль. И все же держаться от него подальше оказывается куда сложнее, чем она думала.

Уинтер изо всех сил пытается не подпускать его ближе, но Тео раз за разом рушит стену, которой она отгородилась от всего мира. За бокалом в захолустном баре она неожиданно для самой себя делится с ним секретом, о котором предпочла бы молчать. А затем проводит самую головокружительную ночь в своей жизни с мужчиной, которому никогда не собиралась говорить «да».

В его объятиях Уинтер снова чувствует себя живой, но вскоре просит забыть обо всем. Ей не нужны сложности, а рядом с ним все слишком запутанно.

Предполагалось, что эта связь на одну ночь. Тайна, о которой никто не узнает.

Но две полоски на тесте не позволяют им сохранить все в секрете.

«Я влюбилась в эту книгу за эмоции, которые она дарит. За героиню, которая была слишком строга к себе, и за мужчину, который ни на секунду не усомнился в ее ценности. Это история о любви, которая не требует заслужить себя, и о герое, который заставляет верить, что такие мужчины все-таки существуют». – Александра, книжный блогер Aleksless.Books

Содержание

1. Уинтер 7
2. Тео 27
3. Уинтер 40
4. Тео 59
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Элси Сильвер
Безрассудный

© Юркалова К., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Посвящается всем уставшим мамочкам, где бы вы ни находились.

Я вижу вас.

1. Уинтер

– Не пойму, с чего ты решила работать в этой захудалой провинциальной больнице.

Раньше Роб казался мне хорошим парнем.

Но теперь мое мнение изменилось.

– Ну, Роберт, – нарочито медленно произношу я, используя его полное имя, чтобы позлить, и с трудом запихиваю последний свитер в раздутый чемодан. – Возможно, для тебя это новость, но в провинции тоже живут люди – настоящие живые люди, которым иногда требуется медицинская

помощь.

И зачем мне только понадобилось брать столько вещей всего на одну смену? В отделении неотложной помощи Честнат Спрингс я ношу медицинский халат, а по вечерам в гостиничном номере хожу в легинсах.

– О, благодарю за разъяснения, Уинтер, – его голос сочится сарказмом, от которого иной бы съежился. Но только не я. Темная часть моей натуры неимоверно гордится тем, что я точно знаю, как вывести мужа из себя.

Губы невольно подрагивают, пока я стараюсь сдержать торжествующую улыбку.

– Но почему именно эта больница? Почему Честнат Спрингс? Ты постоянно туда уезжаешь и даже не считаешь нужным предупредить меня об отъезде. Если задуматься… – он театрально потирает подбородок, опираясь плечом на дверной проем моей спальни, – ты ни разу не поинтересовалась, хочу ли я, чтобы моя жена там работала. Это не лучшее решение для твоей дальнейшей карьеры.

Всякий раз, когда он начинает ныть будто маленький ребенок, я спрашиваю себя: что именно в нем мне казалось притягательным?

Трудно сказать, в какой миг ямочка на его подбородке превратилась в нечто отталкивающее. Совершенно омерзительное. Раньше мне казалось, что он выглядит элегантно и собранно, зачесывая волосы набок с этой небрежной волной, неизменно сохранявшей форму даже при сильном ветре.

Сейчас это выглядит фальшиво.

Как, впрочем, и многое в моей жизни с ним.

Наверняка он так укладывает волосы лишь потому, что не хочет признавать, что начинает лысеть. Тщеславие не позволит.

И ничто так не лишает мужчину мужественности в моих глазах, как жалобы на профессиональную независимость женщины. С тем же успехом он мог бы топнуть ногой и выбежать из комнаты, как маленький ребенок с наклонностями шовиниста.

Хватаю застежку и принимаюсь закрывать раздувшийся от вещей чемодан.

– Забавно, – говорю я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и бесстрастно. – Похоже, ты… последний человек, к кому бы я обратилась за советом по поводу моей жизни.

Тяжело выдохнув, наконец застегиваю чемодан и, уперев руки в бока, разглядываю проделанную работу, а на губах сама собой появляется удовлетворенная улыбка.

– К чему ты, черт возьми, клонишь, Уинтер?

Его манера добавлять мое имя в конце каждой фразы напоминает попытку отчитать меня.

Смешно. Но меня этим не запугать.

Он пребывает в блаженном неведении относительно того, чего стоит молодой женщине-врачу прокладывать путь в сфере медицины. И если я буду позволять слабым мужчинам вроде Роба постоянно подавлять себя, у меня не останется

ни малейшей возможности.

А карьера – это единственное, что по-настоящему принадлежит мне. Так что пусть он катится куда подальше.

Переворачиваю руку и рассматриваю неухоженные ногти, всем своим видом демонстрируя безразличие, а сама мысленно прикидываю, где найти в Честнат Спрингс приличный маникюрный салон.

– Не строй из себя дурака, – отвечаю я. – Это выглядит нелепо после твоих жалоб.

В голове невольно возникает вопрос: а почему я до сих пор за ним замужем? Раньше у меня находились оправдания моему терпению. А сейчас? Сейчас мне просто нужно собраться с духом и довести дело до конца. Взгляд снова падает на чемодан, набитый до отказа, словно я собираюсь исчезнуть на долгие годы. Видимо, мое подсознание уже приняло решение за меня.

Может, сучка внутри наконец отважилась настоять на своем и вырвать меня отсюда раз и навсегда.

Я не возражаю.

– Следи за языком, когда разговариваешь со мной, – бросает Роб.

Я прищуриваюсь, глядя на кутикулы, и изо всех сил сдерживаю клокочущую во мне ярость. Под ледяным спокойствием бурлит раскаленная лава, готовая в любой момент вырваться наружу.

Но я уже столько лет держу эмоции в узде. И не позволю

доктору Робу Валентайну заставить меня взорваться.

Он не стоит моих нервов.

Я смотрю на него через всю комнату. Мою комнату, ведь когда я недвусмысленно объявила, что больше не собираюсь спать с ним в одной кровати, он отправил меня в гостевую спальню, а мог бы переселиться сюда сам. Настоящий джентльмен, ничего не скажешь.

Хотя виноват, безусловно, он.

Он – причина того, что мы оказались в такой ситуации.

А самое ужасное в том, что когда-то я его любила. Он принадлежал только мне. Стал для меня тихой гаванью после детства, больше похожего на домашнюю холодную войну.

Я потеряла бдительность рядом с ним. Влюбилась в этого мужчину без памяти.

А он разбил мое сердце вдребезги – настолько, что я никогда никому в этом не признаюсь.

Я не говорю ни слова. Беру чемодан и, обойдя подтянутую фигуру Роба, направляюсь к входной двери нашего огромного дома площадью девятьсот тридцать квадратных метров.

За спиной раздается стук его туфель по мраморному полу. И, разумеется, он даже не предлагает мне донести чемодан.

Губы кривятся в горькой усмешке, и я качаю головой при мысли о том, что он вдруг решит проявить хоть малейшее участие. Но труднее всего смириться с тем, что развалившийся брак стал для меня неожиданностью. Я умная, состоявшаяся женщина, которая во всем просчитывает шаги, поз-

волила этому подонку застать меня врасплох. Это… невыносимо унизительно.

Меня до безумия злит, что я повелась на такой наглый обман.

Я чувствую исходящую от него неистовую ярость, пока он стоит рядом со мной. Тем не менее сохраняю внешнее спокойствие: надеваю высокие кожаные ботинки и кутаюсь в длинное пальто из коричневой шерсти.

– Серьезно, Уинтер? Ты даже не соизволишь мне ответить?

Я неторопливо завязываю пояс, твердо решив не удостаивать его ответом.

Сложность в том, что Роб слишком хорошо меня знает и за пять лет совместной жизни тоже научился выводить меня из себя.

Он пристально смотрит, и в его глазах проскальзывает едва уловимая жестокость.

– Ты мне больше нравилась платиновой блондинкой. – Роб указательным пальцем проводит по моей голове, перебирая темные пряди с теплым отливом. Он постоянно твердил, что обожает мои серебристо-белокурые локоны. – Новый цвет тебе не идет. Выглядит грязно.

Однако вечно подкрашивать корни, возиться с фиолетовым шампунем и наносить восстанавливающий кондиционер оказалось непосильной задачей для вымотавшегося до предела ординатора, поэтому я попросила стилиста чуть от-

тенить волосы.

Я растерянно моргаю, будто не могу до конца поверить, что у него хватает наглости воспринимать мой цвет волос как личное оскорбление.

Впрочем, теперь я знаю правду. Потому что в этом году он сбросил маску и показал мне свое высокомерное уродство.

– Забавно. Мне ты нравился больше, когда я еще не знала, что ты обхаживал мою младшую сестру, а потом затащил ее в постель.

Он фыркает. *Фыркает*.

– Ничего подобного. Это она была одержима мной.

Я морщу нос, чувствуя, как от него разит откровенной ложью.

– Взрослый врач спасает жизнь несовершеннолетней пациентке. Потом ловко манипулирует ее чувствами, используя свое положение и обаяние, чтобы привязать к себе. Превращается в ее личного героя. И едва ей исполняется восемнадцать, начинает втайне с ней спать, словно она какой-то грязный секрет. А когда встречает ее старшую, более подходящую сестру, то бросает ее, как камень, и женится на той, из-за которой не лишится работы и медицинской лицензии. О! – Я вскидываю палец. – Но самое смешное, он не оставляет младшую в покое. Преследует, травит, ломает ее новые отношения просто потому, что может. Или, видимо, это помогает ему смириться с его проступающей лысиной, которую он так тщательно скрывает.

Гнев клокочет внутри, но я сама подливаю масла в огонь, поскольку иду у него на поводу.

Роб скрещивает руки на груди и впивается в меня взглядом. Передо мной идеальное воплощение Кена с золотистыми уложенными волосами и ярко-голубыми глазами.

– Ты же знаешь, я никогда ее не любил.

Меня пронзает волна ослепительной ярости. Мир вокруг теряет четкость, и я вижу лишь этого подонка, ставшего моим мужем. Обещаю себе сохранять спокойствие. За годы практики я научилась носить маску – она помогала мне пережить самые душераздирающие моменты. И я отточила эту игру до совершенства.

Но сегодня самообладание дается мне с невероятным трудом.

– Думаешь, твое «я ее никогда не любил» меняет суть происходящего? Мы говорим о моей младшей сестре. О девушке, которая чуть не умерла. А ты годами морочил ей голову. А я? Сомневаюсь, что ты вообще когда-нибудь любил меня.

Мои слова отдаются эхом в просторном холле, пока мы сверлим друг друга взглядами.

– Я любил.

Я любил. И это все, что он может мне сказать?

Из груди вырывается горький смешок.

– Кого ты пытаешься обмануть, Роберт? Тебе не надоело врать? Стараться, чтобы все лживые версии совпадали? Спектакль окончен. Я вижу тебя насквозь. Ты внушил мне,

что у меня есть нечто, чего на самом деле никогда не было. Ты просто играл мной.

Он не возражает, продолжая буравить меня взглядом. Казалось, эта истина уже не должна ранить мое сердце, но ранит.

– За то, что ты сделал со мной? Я к тебе равнодушна. За то, что ты сделал с ней? Я тебя ненавижу. Если бы знала твое подлинное лицо, я бы не прикоснулась к тебе и шестом длиной в миллион километров. Обмани меня один раз – и второго шанса не предвидится. Теперь это мое новое кредо.

С этими словами поднимаю чемодан, быстро разворачиваюсь на месте и распахиваю дверь с такой яростью, что она врезается в стену. Меня разъедает злость на саму себя за взвинченное состояние, за потерю контроля над собственными эмоциями. Но я гордо вздергиваю подбородок, расправляю плечи и покидаю дом, демонстрируя все то внешнее хладнокровие и безразличие, которое только могу изобразить.

– Значит, ты от меня уходишь?

И как, имея высшее образование, можно быть таким дураком? Я едва сдерживаю смех. Переступаю порог, мимоходом хлопая Роба по плечу, как пса, которым он и является.

– У тебя ж диплом врача, вот и подумай сам.

– Да она тебе даже не нравится! – вопит он плаксивым тоном, от которого у меня царапает шею как ногтями по классной доске. – Ты что, побежишь к ней вымаливать прощение,

после того как столько лет вела себя как последняя дрянь с королевскими замашками? Ну, удачи. А я буду ждать здесь, когда ты приползешь обратно.

Я не оборачиваюсь на его язвительные выпады. Лишь демонстративно показываю ему средний палец и внутренне ликую, поскольку он ошибается.

Его интеллект явно не соответствует его самомнению.

Но и я ничуть не лучше. В этот миг я чувствую себя жалкой и невероятно глупой.

Все потому, что я люблю свою сестру.

Но мой способ выразить эту любовь, мягко говоря, далек от идеального.

Только бы не умереть сейчас, когда я начинаю брать свою жизнь под контроль.

Мне хочется начать все с чистого листа. Но вместе с тем я испытываю леденящий ужас перед этим шагом.

Больница Честнат Спрингс находится всего в часе езды от моего прежнего дома, но почему этот путь ощущается как самая долгая поездка в жизни?

Я подрабатываю здесь уже несколько месяцев и дорогу знаю как свои пять пальцев – могла бы ехать не глядя. Но

сегодня из-за обильного снегопада я вцепилась в руль с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

К тому же я до сих пор не могу прийти в себя после того, как позволила эмоциям взять верх.

Конфликт между нами разгорелся, когда Роб заявил, что не понимает, зачем мне работать в этой захудалой больнице, а я не сочла нужным раскрывать ему истинные мотивы.

Во-первых, работа в больнице, где я не фигурирую как «его жена» или «дочь своей матери», приносит невероятное облегчение. Здесь я могу наконец спокойно лечить людей и испытывать гордость за свои успехи, не сталкиваясь с шепотками за спиной и взглядами, полными фальшивого сочувствия. Без груза, вечно висевшего над головой.

Информация обо мне у всех на слуху, но каждый держит язык за зубами, и эта упорная игра в молчанку подрывает мое душевное равновесие. Мне прекрасно известно, какое мнение сложилось обо мне в обществе. Глупо строить иллюзии. Пусть они и не высказывают этого вслух, я слышу их четко и ясно.

Врач, которая получила место в больнице через семейные связи и замужество.

Женщина, предпочитающая держать дистанцию: сдержанная в общении и глубоко несчастная.

Жена, настолько неуверенная в себе, что закрывает глаза на предательство мужа.

Во-вторых, никогда прежде я не испытывала столь острой

потребности находиться рядом с сестрой. Когда она болела, я тайком прокрадывалась в больницу и проверяла ее состояние, листала медицинскую карту, чтобы узнать о ее самочувствии, хотя сама еще была студенткой. А теперь что? Теперь, глядя на младшую сестру, я вижу лишь минувшие годы, что мы провели врозь.

Вижу женщину, которая приняла на себя бремя страданий, чтобы отчасти избавить меня от моих собственных. Похоже, в этом мы родственные души.

Сейчас она наконец счастлива и помолвлена с мужчиной с чересчур длинными волосами, и он любит ее так, как мне никогда не доведется узнать. Но я искренне рада за нее – Бог свидетель, она заслужила немного покоя. Сестра оставила позади карьеру юриста и стабильную работу в спортивной фирме нашего отца, чтобы управлять тренажерным залом и жить на живописном ранчо.

Я восхищаюсь ею.

И все же не представляю, как преодолеть возникшую между нами пропасть. Поэтому и устроилась на неполный рабочий день в больницу маленького городка, где она живет, в надежде случайно встретиться с ней и постепенно наладить отношения.

У меня в сознании вновь и вновь прокручивается одна и та же сцена. Наверное, я пытаюсь воплотить ее в жизнь или что-то в этом роде.

Вот она прогуливается по тротуару, а я сталкиваюсь с ней,

выходя из очаровательной кофейни в парижском стиле на Мейн-стрит. Ее лицо озаряется удивлением при виде меня. Я отвечаю сестре теплой, искренней улыбкой. Затем указываю пальцем себе за плечо и произношу: «Может, выпьем вместе кофе?» – так непринужденно и обаятельно, чтобы заставить ее улыбнуться в ответ.

Конечно, для этого мне придется выбраться куда-то за пределы больницы и отеля. Ну а пока я продолжаю метаться между двумя этими «зонами безопасности», скованная страхом и чувством неловкости перед возможной встречей.

– Будь что будет, – бормочу я, шмыгая носом, и выпрямляюсь на водительском сиденье, не отрывая взгляда от дороги. – Сири, набери Саммер Хэмилтон.

На меня обрушивается тишина, пропитанная годами многолетних ожиданий.

– Вызываю Саммер Хэмилтон, – отзывается роботизированный голос. Эта холодная формальность бьет меня в самое сердце. У большинства сестер в контактах были бы указаны милые прозвища. Возможно, я бы записала ее «Сам», будь мы подругами. Но сейчас мне, пожалуй, стоит добавить ее второе имя.

Из телефона доносится один гудок. Второй.

И вот она берет трубку.

– Уинтер? – спрашивает она, чуть запыхавшись. В моем имени, слетевшем с ее губ, не слышится упрека. В нем звучит… надежда.

– Привет, – глупо выдавливаю я. Никакая ученая степень и никакие толстые медицинские фолианты не могли подготовить меня к этому разговору. С того самого дня в больнице, когда моя жизнь разделилась на до и после, я миллион раз прокручивала этот диалог в своей голове. Проводила ночи без сна, пытаясь собраться с духом.

Но попытки оказались тщетны.

– Привет… Ты… у тебя все хорошо?

В ответ молча киваю, чувствуя, как начинает пульсировать переносица. Столько лет я причиняла Саммер боль, а она, едва услышав мой голос, первым делом спрашивает, все ли хорошо со мной.

– Уин?

Я глубоко вздыхаю. *Уин.* Проклятье. Это прозвище. Оно так легко слетает с ее языка. В голове невольно всплывает вопрос: а как я вообще записана в ее телефоне? Всегда представляла что-то вроде «Злая сводная сестра» или нечто подобное.

Она чертовски добра. И меня едва ли не тошнит оттого, что кто-то может быть настолько нежен со мной после всего, что между нами произошло, после моей ледяной отчужденности.

Я не заслуживаю Саммер. Но мне отчаянно хочется наладить наши отношения. А для этого нужно начать с правды.

– Нет. Не думаю, что у меня все хорошо, – признаюсь я и тут же кашляю, скрывая дрожь в голосе.

– Понятно. – Уже мысленно вижу, как она задумчиво кивает и поджимает губы, лихорадочно перебирая варианты, как мне помочь. В этом вся она. Вечный спасатель.

Может, я и врач по профессии, но истинным целителем всегда была Саммер.

– Где ты? Давай я приеду и заберу тебя? Ты пострадала? – Она делает паузу. – О! Тебе требуется юридическая помощь? Я больше не работаю по специальности, но я…

– Могу я встретиться с тобой? – выпаливаю я. И теперь, похоже, настала очередь Саммер ошеломленно молчать. – Я на пути в Честнат Спрингс. Я могла бы… даже не знаю… – из горла вырывается судорожный вздох, – угостить тебя кофе? – неуклюже добавляю я, мельком взглянув на электронные часы: ровно шесть вечера.

Из трубки доносится ее мягкий, чуть приглушенный голос:

– Я бы с радостью. Только давай лучше вино вместо кофе?

В груди распускается узел напряжения, о существовании которого я до этого мгновения даже не подозревала. Но сейчас, почувствовав его, понимаю: он, вероятно, жил там годами.

– Да. – Я нервно постукиваю пальцами по рулю. – Да. Вино. Отлично.

Боже, говорю как чертова пещерная женщина.

– Сегодня вечером мы устраиваем семейный ужин в главном доме. Будет много народа. Я бы очень хотела, чтобы ты

присоединилась к нам.

В горле встает непривычный ком. Подобное проявление доброты кажется мне чуждым после стольких лет жизни в стерильном пузыре с Робом и моей матерью. Такое прощение… не представляю, как на него реагировать.

Пусть все идет своим чередом. Видимо, это единственное, что мне остается.

– Пришли мне адрес.

Я так хотела побыстрее забрать посылку и навсегда свалить из этого гребаного города, что намеренно не обращала внимания на индикатор топлива. Теперь очевидно, что бак почти пуст. И по мере того как городские постройки исчезают в зеркале заднего вида, тревога лишь нарастает.

В конце концов я сдаюсь и заезжаю на заправку в Честнат Спрингс, прежде чем свернуть на сомнительную проселочную дорогу, которую навигатор проложил до ранчо.

Пока стою здесь, дрожа от холода и коря себя за то, что не догадалась надеть подходящую для зимней прогулки одежду, я чувствую, как сквозь тщательно возведенные защитные стены просачивается тревога.

Тревога, вызванная предстоящей встречей с Саммер.

Тревога от того, что придется сидеть за одним столом с людьми, которые наверняка считают меня отвратительной стервой.

Тревога из-за заснеженных дорог. В последнее время я неоднократно сталкивалась с пострадавшими в авариях, что поступили в неотложку.

Тревога из-за будущего моей карьеры: куда, черт возьми, двигаться дальше и где я в итоге окажусь.

Что парадоксально, мысль, хоть и с горьким привкусом, навсегда бросить Роба больше не вселяет ужаса. Я слишком долго оттягивала этот день, прокручивала в голове, анализировала со всех сторон.

У меня в сознании развод неизменно ассоциировался с провалом. Но сегодняшний уход из дома не ощущается как поражение.

Я чувствую лишь облегчение. Словно кто-то годами стоял у меня на груди, но мне наконец хватило мужества сбросить этот тяжкий груз. Мышцы горят от напряжения, а все тело в синяках и ушибах после борьбы.

Расставаться всегда тяжело, но теперь я могу дышать полной грудью даже сквозь боль.

С губ срывается тяжелый глубокий вздох, превращаясь в маленькое облачко тумана, особенно заметное в неоновом свете, заливающем бензоколонки. Пальцы, вцепившиеся в красную пластиковую ручку, сначала покалывает от холода, а через мгновение они уже и вовсе немеют. Я переминаюсь

с ноги на ногу и вскидываю голову, когда слышу звон колокольчика на входе в заправочную станцию.

Из стеклянных дверей появляется широкоплечий мужчина, буквально излучающий самодовольство. У него темные волосы, почти черные глаза и такие длинные ресницы, что мне, как блондинке, остается только позавидовать. Он с ухмылкой изучает лотерейный билет, словно уже видит выигрышные цифры.

Конечно, я могла бы предупредить незнакомца, что победа ему не светит. Лишь зря деньги потратил. Однако интуиция подсказывает мне, что для такого человека мои слова – пустой звук.

Ботинки на нем не зашнурованы, а джинсы подвернуты. Пара длинных серебряных цепочек болтается на груди, исчезая под клетчатой рубашкой, пуговицы на которой расстегнуты больше, чем нужно. Сверху небрежно накинут плотный вязаный кардиган.

Он выглядит сексуально, даже не прилагая усилий. Холод, судя по всему, его совсем не тревожит. Готова поспорить, он встает с постели во вчерашних носках и просто запихивает ноги обратно в эти поношенные кожаные ботинки.

Держу пари, у него грубые, испещренные мозолями руки. Держу пари, от него исходит запах кожи. После долгих лет брака с другим мужчиной я ловлю себя на том, что не могу отвести глаз от суровой, но неоспоримой привлекательности этого человека.

Мое внимание настолько поглощено им, что я не сразу замечаю, как пистолет издает громкий щелчок и ударяется о ладонь, сигнализируя о полном баке.

Незнакомец оборачивается на звук, и на меня тут же обрушивается весь его сексуальный магнетизм. Четкая линия подбородка, тронутая идеальной щетиной, и губы, которые явно не по праву достались мужчине. Его внешность до абсурда совершенна.

Я резко опускаю голову, невольно облизывая губы, и неуклюже пытаюсь вставить пистолет в держатель.

Не сомневаюсь, что этот сексуальный дровосек наблюдает за мной, но я намеренно не поднимаю глаза. В груди рождается трепет, а щеки заливает жар, давно забытый, почти незнакомый.

Потому что когда-то я правда была счастлива в браке. А сейчас… нет.

В голове крутятся шестеренки.

Вот он – первый мужчина после Роба, на которого я позволила себе посмотреть с недвусмысленным интересом. Мужчина, не тратящий время на завязывание шнурков и участвующий в лотереях.

«Тьфу», – мысленно ворчу я, подходя к двери машины, и внезапно осознаю, что больше не чувствую холода, который пронизывал меня до встречи с ним.

Прежде чем занять водительское сиденье, украдкой оглядываюсь на парня.

На того, кто стоит у своего серебристого пикапа.

На того, кто по-прежнему смотрит на меня с многозначительной ухмылкой.

На того, кто проводит ладонью по идеально взъерошенным волосам и подмигивает мне.

Я сажусь в машину и мгновенно выезжаю на темную дорогу, стараясь убраться с заправки как можно быстрее.

Потому что последнее, что мне сейчас нужно, – это мужчина, от которого перехватывает дыхание, хотя я только-только вдохнула полной грудью.

2. Тео

Блондинка уставилась на меня так, словно я был пришельцем с другой планеты. Мне даже пришлось остановиться и посмотреть на нее в ответ – настолько бесцеремонно она меня разглядывала.

Я уже приготовился отшутиться, что чувствую себя куском мяса под ее раздевающим взглядом. Но потом она облизнула губы, моргнула и умчалась прочь. Жаль, потому что мне понравилось, как она глазела на меня. Ее любопытство меня ничуть не смутило. Но если бы девушка встретилась со

мной глазами, все могло сложиться иначе. Я бы показал ей, на что действительно стоит взглянуть.

Я стал наездником на быках не потому, что не выношу внимания публики. Шоу, зрители, слава – вот моя стихия. Она у меня в крови. Габриэль Сильва по праву считается одним из величайших наездников в истории Всемирной федерации родео.

И он не просто мой кумир. Он мой отец.

Или был моим отцом? До сих пор не понимаю, в каком времени говорить о нем. Он по-прежнему кажется мне живым, несмотря на годы, прошедшие с его смерти.

Запрыгнув в пикап, хмыкаю себе под нос. Знаю, что эта сногсшибательная блондинка в дорогом «Ауди» еще не раз придет мне на ум. Было в ее взгляде что-то удивительно невинное – словно школьницу застукали за подглядыванием и ей стало жутко неловко. Я бы посочувствовал, но мне самому обидно, ведь она ретировалась, не дав мне шанса взять ее номер.

Я выезжаю на темную дорогу и направляюсь к ранчо «Колодец желаний». За прошедшие годы я ездил туда столько раз, что найду дорогу хоть с закрытыми глазами. Именно там живет мой наставник Ретт Итон, а поскольку мама и сестра обосновались в другой деревне, его семья на праздники заменила мне родную.

Обычно я провожу Рождество у мамы, но в этом году она вместе с моей младшей сестрой отправилась в круиз для оди-

ночек, чтобы найти своего Мистера Совершенство, если я правильно понял.

И пусть я тоже одинок, лезть в эту авантюру с семьей у меня нет никакого желания.

Категорически нет.

Мир родео изобилует фанатками, которые мечтают закрутить роман с наездником; с ними можно неплохо скоротать время, хотя эти бесконечные бессмысленные связи уже набили оскомину, однако маме в мои отношения соваться незачем.

К тому же сама мысль о круизе меня откровенно пугает.

Оказаться на арене один на один со взбешенным быком? Да без проблем.

Но взойти на огромный лайнер, где вокруг сплошная вода и ни клочка суши? Никогда. Я как-то глянул шоу Опры[1], где рассказывалось про людей, утонувших на этих судах, а я еще слишком молод и хорош собой, чтобы умирать.

Спустя пару минут впереди появляются красные огни задних фар, и я быстро их настигаю. Очень быстро.

– Да ла-а-а-адно, – вздыхаю я в тихой кабине пикапа, запрокинув голову.

Конечно, идет сильный снег, но дорога накатана и нескользкая. Когда наконец догоняю автомобиль, то осознаю, насколько медленно он движется. Тридцать километ-

[1] Опра Уинфри (Oprah Gail Winfrey) – американская телеведущая, актриса, продюсер, общественный деятель, ведущая ток-шоу «Шоу Опры Уинфри».

ров в час при разрешенных пятидесяти. И это даже не школьная зона.

Подъехав ближе, я с изумлением обнаруживаю, что это «Ауди» той самой красотки с заправки. Следовало сразу догадаться. Сапоги на каблуках и длинное пальто явно не сочетаются с образом деревенской девушки.

Как и ее манера вождения на проселочной дороге.

Загорается левый поворотник. Автомобиль притормаживает, а затем вновь набирает скорость.

Мигает правый поворотник, и машина чуть виляет.

Может, заблудилась? Или пьяна? Я и сам порой отключаюсь, если переборщу с выпивкой, как она в тот момент, когда не сводила с меня глаз.

Приблизившись, различаю сквозь заднее стекло свет от экрана ее мобильного.

Прекрасно. Пишет сообщения прямо за рулем. Эта девица точно себя угробит. Или меня.

Хотя если мы окажемся в одной больничной палате, я все-таки раздобуду ее номер. Наверное, оно того стоит.

Вдруг она резко давит на тормоза, и я, вздрогнув, резко нажимаю на гудок.

– Да ты издеваешься! – выкрикиваю я, чувствуя, как бешено колотится сердце. Мне плевать, насколько эта блондинка хороша. Она отвратительно водит машину.

Она дает по газам, но потом резко сбрасывает скорость. Я увеличиваю расстояние между нами, не желая находиться

рядом с таким непредсказуемым водителем.

Однако невольно думаю о маме или сестре, которые могли бы потеряться на проселочной дороге. Наверняка она просто не может сориентироваться, а не намеренно ведет машину как идиотка. Бросив взгляд на телефон в держателе, замечаю, что связь окончательно пропала, а значит, она точно не отвлекается на переписку.

Я включаю дальний свет, надеясь, что она остановится, и тогда я смогу ей помочь.

И тут же ощущаю себя серийным убийцей.

Ни одна здравомыслящая женщина не притормозит на темной дороге ради разговора с незнакомцем, который только что подал ей сигнал дальним светом.

Поэтому сажусь поудобнее, врубаю Криса Стэплтона[2] на полную громкость и любуюсь кристально-белыми заснеженными полями, отражающими лунный свет, и ночь уже не кажется такой беспросветной. Вскоре показывается поворот к ранчо «Колодец желаний», а значит, мне придется распрощаться с моей чарующей, но смертельно опасной женщиной за рулем.

Но тут она включает поворотник. И сворачивает к ранчо.

У меня в мозгу лихорадочно крутятся шестеренки, словно пытаясь осмыслить происходящее. Она наверняка подумает, что я ее преследую. А если мы едем в одно место, значит, я

---

[2] Крис Стэплтон (Chris Stapleton) – американский кантри-певец и автор-исполнитель.

знаком с ней, хоть и не напрямую.

Когда в поле зрения появляется освещенный главный дом, ее автомобиль устремляется прямо к крыльцу. Она бьет по тормозам, вылетает из машины и, с грохотом захлопнув дверцу, стремительно несется в мою сторону, не дожидаясь, пока я выберусь из пикапа.

Едва мои ноги касаются земли, как до меня доносится резкий окрик:

– Ты совсем рехнулся?

Ясно. Она вне себя от злости. И, очевидно, трезвая. Она держит ключи, зажав их между пальцами словно когти, и в этот момент я невольно проникаюсь к ней симпатией.

Никаких прелюдий. Сразу в бой. Миниатюрная, но преисполненная неистового гнева. Чувствую себя Питером Пэном, выслушивающим нагоняй от Динь-Динь.

– Полегче, Динь, – улыбаюсь я и вскидываю руки, показывая, что не представляю для нее опасности. – Не топай так, а то у тебя лопнет какой-нибудь кровеносный сосуд.

– Динь? – ее голос поднимается на октаву.

Я небрежно машу рукой.

– Да, в тебе есть что-то от разъяренной феи Динь-Динь. И я тащусь от этого. – На секунду позволяю себе окинуть ее взглядом, ровно настолько, чтобы не показаться похотливым мужланом. Но, справедливости ради, она первая начала, когда таращилась на меня на бензоколонке.

– Ты долбанутый на всю голову, в курсе? – Она снова за-

водится. – Ты, как последний придурок, ехал за мной целых десять минут, а теперь еще и сюда последовал? Чтобы… чтобы… разглядывать меня и сравнить с диснеевской феей? Это было опасно. Ты мог спровоцировать аварию. Убить кого-нибудь. – Динь сердито размахивает руками, а ее изящное лицо искажается от негодования. Взгляд мог бы испепелить любого мужчину на месте.

Но только не меня.

Мне не стоит ее подначивать. Определенно не стоит. Но я ощущаю себя влюбленным по уши мальчишкой, который глумится над понравившейся ему девчонкой, лишь бы привлечь ее внимание.

А мне нравится, что она не тушуется, а дает отпор.

И я хочу еще.

– По мне, так ты правда похожа на фею. И ехать на двадцать скоростей ниже разрешенной тоже опасно. Так можно кого-нибудь убить. Меня, например. Скукой, – шучу я.

Ее глаза округляются до неестественных размеров – безошибочный сигнал, что моя попытка разрядить обстановку с треском провалилась.

– На улице темно и идет снег! Эти места мне незнакомы. Тут могут водиться дикие животные! Так что разумнее ехать медленно, особенно если тебе в зад дышит неотесанный деревенщина на своем жалком пикапе, ослепляя дальним светом фар.

Мои губы плотно сжимаются.

Черт возьми.

Мне и правда нравится эта девушка.

Лучше остановиться. Уйти. Включить наконец взрослого и перестать флиртовать с ней, намеренно выводя из себя.

Но я всегда был немного безрассудным.

– Я слышал, что если хочешь, чтобы твою задницу объездили, то маленький член подойдет идеально. Так что, возможно, я твой лучший кандидат.

На самом деле у меня там все в порядке с размером. Но ради классной шутки я готов пойти на жертвы. Только обладатель микрочлена упустил бы такую возможность.

Наверное, не следовало этого произносить, но выражение искреннего потрясения, застывшее на ее прелестном личике, оправдывает все. Она настолько взвинчена, что я просто не мог удержаться. Там, где пылает огонь, я всегда подливаю горючего.

Она резко вскидывает руку, создавая между нами дистанцию.

– Я замужем, ты, грязная свинья. А теперь проваливай. – И решительно указывает в сторону дороги.

Замужем. Я лишь пожимаю плечами.

– Ну это пока что замужем.

Моя настойчивость не знает границ. Блондинка заглядывалась на меня совсем не как замужняя женщина. Во всяком случае, точно не как счастливая жена.

Наше внимание внезапно привлекает голос Ретта – он до-

носится с широкой веранды, опоясывающей главный дом:

– Не волнуйся, Уинтер. Мы избавим тебя от мужа и похороним его на заднем поле. Прямо как в той песне «Чикс»[3]. Роб станет новым Эрлом[4].

Уинтер.

Уинтер – та самая сестра Саммер? Черт, какие нелепые имена[5] подобрали для двух сестер. По-моему, им надо злиться на своих родителей, а не друг на друга.

Вновь перевожу взгляд на женщину в двух метрах от меня. Все без исключения описывают ее как воплощение холода и отчужденности. Истинная снежная королева.

Я слышал эти истории, насыщенные драматизмом. Ее преподносят чуть ли не криминальным гением. Но перед моими глазами стоит лишь взрывная женщина, которой требуется помощь, чтобы выплеснуть агрессию.

И признаться честно, я не прочь выступить в качестве помощника. В таких вопросах я настоящий филантроп.

Уинтер массирует виски, будто пытаясь унять головную боль, а я размышляю, не предложить ли ей аспирин из своего пикапа – или оргазм. Вроде бы и то и другое весьма эффективное средство.

---

[3] The Chicks (до 2020 г. Dixie Chicks) – женское кантри-трио из Далласа, штат Техас.

[4] Речь идет о песне Goodbye Earl («Прощай, Эрл»), в которой Ванда, устав от постоянного домашнего насилия, вместе с подругой Мэри Энн убивает своего мужа Эрла, инсценировав несчастный случай (тот тонет в бочке с виски).

[5] Уинтер означает «зима»; а Саммер – «лето» (*англ.*).

– Тебе крупно повезло, Итон, что ты делаешь мою младшую сестру счастливой, – произносит она с неприкрытой усталостью в голосе.

Ретт добродушно хмыкает, и его взгляд мгновенно приобретает то теплое и одурманенное выражение, которое появляется всякий раз, стоит кому-то упомянуть Саммер. Однако он пропускает это замечание мимо ушей и говорит:

– Тео пока еще ребенок. Тебе нельзя его развратить, Уинтер.

Я закатываю глаза.

– Я не ребенок. Мне двадцать шесть.

Ретт фыркает:

– Нет. Тебе только двадцать два.

Боже правый. Он думает, что знает мой возраст лучше меня?

– Дружище. Мне было двадцать два, когда мы с тобой впервые встретились на родео. С тех пор я вырос, знаешь ли. Ты ведешь себя точно как моя мама со своими питомцами. Они достигают определенного возраста, а потом она упорно считает, что они всё еще детеныши, пока те однажды не умирают.

Ретт усмехается:

– Пусть так. Ты прямо как тот магазин с облегающими платьями. «Форевер 22».

Я упираю руки в бока и вздыхаю с кривой ухмылкой.

– О, похоже, именно ты здесь стареешь. Тот магазин на-

зывается «Форевер 21».

Ретт отмахивается:

– Да не важно. Я знаю только об облегающих платьях.

– Вы двое закончили? Если собираетесь держать меня здесь всю ночь, мне нужно выпить, – вмешивается Уинтер, явно раздраженная тем, какой оборот принял диалог. Впрочем, вмешательство Ретта успешно пресекло нашу небольшую перепалку.

Жаль. Мне искренне понравилось обмениваться с ней колкостями. Она умеет держать удар, а такой способности у девушек в своих прежних отношениях я не встречал.

Если эти интрижки вообще можно так назвать.

– Ах да, Уинтер, познакомься с моим протеже Тео Сильвой. Тео, это доктор Уинтер Хэмилтон, моя будущая свояченица…

– Уинтер Валентайн, – резко поправляет она.

– Пока что, – добавляю я, подмигивая ей. Теперь, когда мне известно, кто она, я не испытываю угрызений совести за свои намерения. Я знаю, кто ее муж. И мне глубоко насрать на этого парня.

Внутреннее чутье подсказывает мне, что Уинтер заслуживает мужчину получше.

И я гораздо более достойный кандидат, независимо от того, осознает ли она это или нет.

Она демонстративно закатывает глаза и направляется в мою сторону. Я протягиваю руку, ведь мама воспитывала

меня джентльменом, но Уинтер проходит мимо, одаривая меня пронзительным взглядом ярко-голубых глаз, похожих на сердцевину пламени. Я поворачиваю голову и удерживаю зрительный контакт, пока она не оказывается рядом со мной, буквально плечом к плечу.

Уинтер игнорирует мою протянутую руку. Но я не теряюсь и провожу ладонью по волосам, подмигивая ей.

Точно так же, как на заправке.

Наш маленький секрет.

– Приструни своего пса, Итон, – обращается она только к Ретту, продолжая идти, словно меня здесь вообще нет.

Но, черт возьми, я обожаю, когда мне бросают вызов.

Я оборачиваюсь, выкрикивая громкое «Гав!», и наблюдаю, как ее хрупкая фигурка исчезает в сиянии теплого оживленного дома.

Ретт заливается смехом. Надо мной, а не вместе со мной.

– Ты идиот, Тео.

Я качаю головой.

– Дружище. Кажется, я влюбился в твою будущую свояченицу. Она невероятно горячая штучка.

Теперь уже Ретт качает головой, будто владеет некой тайной, пока еще недоступной мне. А я следую за ним в дом, снедаемый любопытством.

Меня влечет желание узнать больше о женщине по имени Уинтер Валентайн.

Например, на какую дату назначен ее развод.

3. Уинтер

Роб
Передавай Саммер от меня привет.

Я переступаю порог большого дома, нервное напряжение сейчас куда сильнее, чем несколько часов назад, когда уезжала из города. Само присутствие здесь, отвратительная дорога, которую мне пришлось преодолеть, – все это меркнет в сравнении с тем прекрасным и одновременно раздражающим мужчиной снаружи.

Клянусь, я буквально чувствую, как его глаза оценивающе

скользят по моей спине. Его пристальное внимание невольно заставляет расправить плечи.

Как ни печально это признавать, но в глубине души мне льстит, что кто-то смотрит на меня с таким неприкрытым интересом.

Я уже привыкла ощущать на себе взгляды, преисполненные либо пренебрежения, либо жалости. А когда Роб одаривает меня тем многозначительным взором, по которому я безошибочно понимаю, что его член встал, по моей коже пробегает неприятный холодок.

Но сейчас все иначе. Мне хочется, чтобы Тео смотрел на меня с восхищением, но в то же время пнуть его под зад.

Из кухни доносится шум, и меня как магнитом тянет по коридору в залитое теплым светом помещение. Стены, выкрашенные в глубокие оттенки зеленого, и широкие половицы из темного дерева создают непринужденную атмосферу уюта. Голоса полны радости, а раздающийся смех лишен всякого притворства.

Здесь нет ни мрамора, ни ослепительно-белых кухонных столешниц, ни эха от разговоров.

Так странно.

Я замираю на пороге, пораженная масштабом того, что собираюсь сейчас сделать. Словно бегство от Тео Сильвы – сексуального наездника на быках и безрассудного водителя с идеальными чертами лица – занесло меня настолько далеко, что теперь я оказалась между молотом и наковальней.

Горло сжимается одновременно с пальцами, которые судорожно впиваются в ладони. Будто накопленная инерция этих едва уловимых движений вот-вот выплеснет все чувства наружу, прямо на всеобщее обозрение.

Это первый шаг на пути к исправлению.

– Ты в порядке, Уинтер? – Твердая рука опускается мне на плечо, и я поднимаю взгляд на небритое лицо жениха моей сестры. Нельзя сказать, что он некрасив, просто такой… неотесанный. Он похож на большую дружелюбную собаку, которой не помешал бы визит к грумеру.

Я отвечаю ему неуверенным киком, а затем снова выглядываю из-за угла.

На самом деле я далеко не в порядке. Внутри бушует настоящий хаос. Однако никто не догадается, что именно творится у меня на душе. Я чувствую себя защищенной, когда сохраняю внешнее спокойствие. Раздающиеся за спиной Ретта шаги принадлежат мужчине, от одного присутствия которого я мгновенно теряю равновесие.

– Все пройдет как по маслу. – Ретт сжимает мое плечо. – Хочешь, подтолкну тебя, как перед прыжком с парашютом?

Теперь я бросаю на него скептический взгляд.

– Нет, спасибо. Я справлюсь.

Не представляю, кому предназначались эти слова – ему или же себе самой. Но, так или иначе, я захожу на кухню с гордо поднятой головой и уверенно произношу:

– Привет, могу я чем-нибудь помочь?

Головы тут же поворачиваются ко мне, но глаза не расширяются в изумлении. Шум от разговоров не стихает, лишь перетекает в тихие приветствия. И улыбки. Уилла восклицает: «Эй, Эльза!», восседая в кресле, выставив напоказ едва заметно округлившийся животик.

Саммер торопливо приближается ко мне. Ее щеки пылают румянцем, а на губах играет искренняя улыбка.

Однако она ничего не говорит. Просто бросается ко мне и обвивает руками мою шею, уткнувшись лицом в плечо. Такое открытое проявление любви.

А я к такому не привыкла. И даже не ожидала. Поэтому сначала застываю словно деревянная и только потом обнимаю ее в ответ. Саммер расслабляется, а с ее губ срывается тихий вздох облегчения.

– Я так рада, что ты приехала, – шепчет она.

А я счастлива, что в этот миг никто не видит моего лица, потому что я изо всех сил хмурюсь, сдерживая эмоции. Предпринимаю все возможное, только бы не расклеиться прямо посреди семейного праздника чужих мне людей.

Такое поведение выглядело бы слишком театрально. А я не склонна к драматизму. Предпочитаю молча делать то, что нужно.

А мне нужно восстановить отношения с сестрой. И я здесь именно для этого.

– Я тоже… – Это единственное, что мне удается выдавить из себя, прежде чем Саммер отстраняется. Одной рукой все

еще держится за мое плечо, а другой смахивает слезы с карих глаз, похожих на оленьи. Форма у нас одинаковая, но оттенок иной.

На лицах прослеживаются отцовские черты, но цвет кожи достался мне от матери.

– Привет, Уинтер! – Пожилой мужчина пересекает кухню, вытирая руки о брюки, и я, помешанная на чистоте, невольно содрогаюсь. – Я Харви Итон, отец Ретта. Рад с тобой познакомиться.

Он протягивает мне большую ладонь, и сколь тщательно я ни всматриваюсь в его лицо, у меня не получается найти там ни тени осуждения.

Не знаю, что за идиллическая картина из «Семейки Брейди»[6] разворачивается в этом доме, но их поведение выбивает меня из колеи.

Мужчина издает что-то похожее на «пф-ф» и машет рукой:

– Не переживай, ты никому не мешаешь. Это ведь семейный ужин. А ты член семьи. Так что, если я правильно думаю, ты находишься именно там, где и должна быть.

Клянусь, от этих слов у меня отвисает челюсть. Кто этот мужчина? Ковбой Нед Фландерс[7]?

---

[6] «Семейка Брейди» – американский комедийный сериал 1970-х годов, рассказывающий о жизни большой семьи.

[7] Нед Фландерс – персонаж из мультсериала «Симпсоны»; добродушный религиозный сосед Гомера Симпсона, один из «столпов морали» Спрингфилда.

Он одаривает меня улыбкой. Открытой и искренней. Такой, которая не заставляет меня гадать, что же на самом деле за ней скрывается. Развернувшись, он отходит и возвращается к прерванной беседе, словно мое присутствие здесь самое обычное дело, а вовсе не странное или из ряда вон выходящее.

Семья? Возможно, Харви Итон уже не вполне трезв. Ведь мы с Саммер давно перестали быть семьей. А из всех присутствующих я пока знакома лишь с…

– Держи. – Кто-то слегка толкает меня локтем, и я чувствую его запах еще до того, как решаюсь повернуться. Апельсины, свежие и сладкие, смешанные с пряными нотками. Гвоздики? Имбиря? Он пахнет прямо как глинтвейн.

Аромат опьяняет. В нем ощущается мужская сила. Он не тяжелый, не резкий и не щиплет ноздри.

Я еще не успеваю обернуться, а мой взгляд уже устремляется к нему. Замечаю его грубые, испещренные мозолями ладони, как я и предполагала. Они большие и теплые.

В каждой из них он держит по бокалу вина. Один наполнен красным, другой – белым.

– Двойная порция на сегодня? – Я наклоняю голову, вздергивая бровь. – Это в твоем духе. Ты водишь машину так, будто уже…

Уголок его соблазнительных губ дергается вверх, и меня вдруг осеняет: Тео Сильва прекрасно знает, насколько хорош собой. Наверняка он оттачивает свои ракурсы перед

зеркалом.

– У нас уже столько общего. Именно об этом я думал, пока был вынужден плестись за тобой те бесконечно скучные десять минут моей жизни.

Я одариваю его нарочито вялой улыбкой и поднимаю перед собой руку, разглядывая ногти. Если бы успела сходить на маникюр, то выбрала бы теплый коричневый оттенок. Меня не волнует, что сейчас Рождество, – красный кажется чересчур вызывающим. Но это все равно не имеет значения, поскольку правила больницы запрещают красить ногти.

– Теперь ты имеешь представление о том, что испытывают женщины, находясь рядом с тобой.

– Так вот почему они кричат «О, Тео, как же скучно!», когда я внутри них?

Я фыркаю и перевожу на него глаза, чувствуя, как легкий румянец заливает щеки под его многозначительным взглядом.

Это нервирует. Он меня нервирует. Поэтому я отвечаю ударом на удар. Надеюсь, что смогу уязвить его достаточно сильно, чтобы он прекратил меня донимать.

– Они говорят это только для того, чтобы ты поскорее закончил и прекратил барахтаться на них.

– Вот как? Может, тогда договоримся о встрече, на которой ты научишь меня меньше барахтаться? Обожаю практиковаться.

Я прищуриваюсь, сердито глядя на него.

Прекрасно, только я могла привлечь внимание единственного парня в мире, которого, похоже, невозможно задеть. Единственного, кто упорно не оставляет меня в покое, хотя я уже мысленно готова отправиться на уединенный остров Чудо-женщины, где нет места мужчинам.

– Какое выберешь? – Он протягивает два бокала с вином, вырывая меня из мира грез.

– Что?

– Красное или белое? Ты сказала, что хочешь выпить. Не знаю, какое вино тебе по вкусу, поэтому налил оба. То, от которого ты откажешься, я выпью сам.

Я замираю, лишаясь дара речи. В сознании вспыхивает язвительное замечание, что меня совершенно не удивляет его готовность выпить что угодно, лишь бы не упустить возможность.

Похоже, он из тех самых мужчин. Дерзких. Красивых. С чересчур высоким самомнением. Не нужно рождаться гением, чтобы понять: он не испытывает недостатка в женском внимании. От него буквально пахнет опытом, которого мне катастрофически не хватает.

Потому что я смотрела на Роба сквозь розовые очки, пока они не разбились.

Я изучаю бокалы вина, размышляя, считается ли это за «выпить с мужчиной»?

Роб принес бы определенную бутылку из определенного региона, охлажденную до идеальной температуры. А потом

сунул бы мне в руку бокал и не преминул шепнуть на ухо какое-нибудь высокомерное замечание, что хозяева предлагают гостям самое дешевое вино.

Я нерешительно тянусь за бокалом белого. Красное окрасит зубы, а мне и так неловко от самого факта своего присутствия здесь.

Уже собираюсь сказать «спасибо», хоть это мне и претит, но в тот момент, когда кончики моих пальцев мимолетно касаются его, между нами проскакивает электрический разряд. Я мигом встречаюсь с его взглядом. Резко отдергиваю руку от бокала и прижимаю ее к груди.

– Ты в порядке? – Он хмурит брови.

В порядке? Меня едва не разбирает смех. Это всего лишь сухой воздух прерий, из-за которого все электризуется. Я же не пулю словила, в конце концов. Но его искренняя забота почему-то… выбивает меня из колеи.

Фраза, к которой я то и дело возвращаюсь сегодня. Фраза дня. Моя жизнь словно превратилась в одну из серий «Улицы Сезам», где я воплощаю собой Оскара Ворчуна[8].

И у меня почти нет сомнений, что именно Элмо[9] только что принес мне вино.

Не мешкая, хватаю бокал и ухожу, чтобы попробовать

[8] Оскар Ворчун – монстр зеленого цвета из детской передачи «Улица Сезам»; он живет в мусорном баке и обожает коллекционировать всевозможные ненужные предметы.

[9] Элмо – пушистый красный монстр с большими глазами и оранжевым носом, отличается доброжелательным и жизнерадостным характером.

влиться в компанию. Хотя я терпеть не могу общаться с людьми, стоять на месте, утопая в бездонных темных глазах Тео Сильвы и вдыхая исходящий от него аромат цитруса и имбиря, кажется еще более тягостным испытанием.

– Есть какие-нибудь новости о Бо? – спрашивает Саммер, сидящая рядом со мной за огромным обеденным столом, накрытым по-домашнему.

Харви прочищает горло и чуть выпрямляется.

– Да, да. В общем-то, выздоровление идет неплохо. У него ожоги третьей степени на ступнях. Пришлось делать пересадку кожи, и врачи внимательно мониторили, чтобы не началось воспаление. Но вчера выяснилось, что они впечатлены тем, как быстро он идет на поправку.

– Разумеется, черт возьми, Бо везде умудряется преуспеть, – бормочет Ретт, качая головой.

Его слова вызывают дружный смех. Мне пока не довелось познакомиться с его братом. Судя по обрывочным сведениям, он служит в вооруженных силах, и во время последней командировки случилось происшествие. Сейчас он находится в военном госпитале.

Ожоги приносят немало страданий. Я не раз сталкивалась

с ними в отделении неотложной помощи. И не пожелала бы такого даже своему злейшему врагу.

Ну ладно. Роба я бы не пожалела. Я не настолько добрая.

– Когда он вернется, нам нужно будет подыскать ему опытных врачей.

Я пожимаю плечами, накалывая на вилку кусочек моркови, глазированной в коричневом сахаре, и предложение срывается с моих губ прежде, чем я успеваю все осознать:

– Я могла бы помочь.

– Правда? – Лицо Харви, сидящего на противоположном конце стола, озаряется радостью, и меня посещает странная мысль: возможно, доброта распространяется словно вирус.

Этого не было в программе медицинского университета. Но ведь наука неизменно движется вперед.

Я встречаюсь взглядом с Тео. Он расположился прямо напротив, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не начать разглядывать его. Игра пламени от свечи, мерцающей между нами, на его слегка небритом лице чуть отвлекает. А поспешно отводить глаза, словно ребенок, которого уличили в подглядывании, выглядит как-то совсем по-детски.

И тем не менее я иду наперекор собственным мыслям. Будто время обернулось вспять, я снова вернулась в подростковые годы, и напротив меня сидит самый популярный парень в школе.

Каждое мое действие сегодня выходит за рамки привычного поведения. Но я не решаюсь детально изучать их как

под микроскопом.

– Конечно. – Я возвращаю взгляд на тарелку. – Никаких проблем. Буду рада оказать любую посильную помощь.

Саммер опускает руку под стол и ободряюще сжимает мое колено. Я оборачиваюсь к ней, а сама размышляю о том, как два человека, которые воспитывались в одной семье, выросли настолько непохожими друг на друга. Противоположности. Словно зима и лето. И даже наши имена, казавшиеся когда-то глупой выдумкой, в действительности же отражают истинную сущность каждой из нас.

Однако ответ мне известен. Наши родители никогда не расставались друг с другом, они просто разделили мир вокруг себя. Две команды, обреченные на вечное противостояние.

Я попала в лагерь матери, а Саммер – к отцу.

В этот миг Ретт врывается в беседу и начинает увлеченно рассказывать о рождественской игре в шинни[10] и о том, как они со Слоан расчищали лед. Слоан – изящная блондинка, сидящая рядом с Харви, – подхватывает историю и делится воспоминаниями о похожем случае, когда она вместе с Джаспером играла на другой ферме.

И она говорит о суперзвезде НХЛ Джаспере Жерве – одном из клиентов моего отца и мужчине, который взирает на нее с таким благоговением, будто она способна извергнуть

[10] Шинни – неформальная (уличная) версия хоккея, в которой зачастую нет конкретных позиций, даже вратарей.

радугу.

Сомневаюсь, что он вообще слушает ее слова. Он просто смотрит на Слоан так, будто именно она подвесила луну на небосвод. От выражения его лица у меня щемит в груди. Я изо всех сил стараюсь не поддаваться гребаной зависти, но все, что происходит сегодняшним вечером, наполняет душу тяжелой, едкой горечью.

И это чувство готово вот-вот разорвать меня изнутри.

Я вовсе не завидую чужому счастью. Скорее, в глубине души желаю испытать то же самое.

Глядя на них, я осознаю, сколько всего упустила за долгие годы. Понимаю, чего лишена сейчас.

И что, вероятно, никогда не придет в мою жизнь.

Весь оставшийся вечер я просто наблюдаю со стороны. Немного отстраняюсь, чувствуя себя лишней. Все здесь счастливы и довольны жизнью. А я… увы, не вхожу в их число.

Это все равно что следить в микроскоп за ростом бактерий в чашке Петри. Ты отчетливо видишь сам процесс. Понимаешь его причины. Можешь приблизиться настолько, чтобы дотронуться. И все же продолжаешь смотреть сквозь линзу.

Мы перемещаемся в обширную гостиную, согретую пламенем камина. Я устраиваюсь в невероятно удобном кресле, когда ко мне неторопливо подходит Тео.

Опять.

Он чертовски настойчивый.

Он замирает в нескольких шагах от меня, а его прищуренный взгляд, в котором отражается непоколебимое самодовольство, сосредоточен исключительно на мне. Но внезапно его внимание переключается на Уиллу. Она на миг встречается с моими глазами, и я отвечаю ей легкой улыбкой. Уилла вызывает у меня искреннюю симпатию. Она сумела стать для Саммер той самой сестрой, роль которой мне не по плечу.

И, думаю, за это я всегда буду ее любить.

– Тео, сердцеед ты наш. Как нынче обстоят дела на любовном фронте?

Он задерживает на мне взгляд карих глаз, в которых читается не легкомысленная беспечность, а сосредоточенная решимость. Внезапно меня охватывает желание узнать, что именно он собирался мне сказать. Весь вечер я намеренно избегала его, и Уилла, будучи весьма наблюдательной, не могла этого не заметить. Однако ее вопрос прозвучал крайне некстати.

– Уилла, как ты себя чувствуешь? Кто-то говорил тебе в последнее время, что ты прямо-таки сияешь? – Тео с поразительной легкостью уходит от ответа, сохраняя игривый тон. Даже Уилла не может сдержать улыбку и закатывает глаза.

В Тео есть нечто по-настоящему обаятельное. Что-то мальчишеское и веселое. Он пока не утратил вкус к жизни. Возможно, именно в этом и кроется секрет его очарования – у него стакан всегда наполовину полон, тогда как мой вечно

наполовину пуст.

К нам тяжелым шагом подходит Кейд, старший из братьев Итон, и плюхается рядом с Уиллой, собственнически обнимая ее за плечи.

– Только тебе, Тео, могло прийти в голову заигрывать с беременной женщиной.

Смех разносится по комнате, и даже Тео присоединяется ко всеобщему веселью. И все же от меня не ускользает вздувшаяся жилка у него на шее, будто в брошенной шутке скрывался шип, которого никто не предвидел. Он словно принуждает себя держать голову высоко поднятой, вопреки внутреннему нежеланию.

Я отчетливо вижу это, потому что сама поступаю точно так же.

– Господи, мужик, она носит твоего ребенка под сердцем и живет под твоей крышей. Чего тебе еще нужно? Чтобы твое имя было вытатуировано у нее на лбу? Я всего лишь веду себя дружелюбно.

В этот момент в комнату входит Ретт.

– Да-да, дружище. Я наблюдал, насколько ты бываешь «дружелюбным». Я бы даже сказал, ты знаменит своим *дружелюбием*.

Тео улыбается и закатывает глаза.

– Чья бы корова мычала, Итон.

– Эй… – Ретт вскидывает руки, в одной из которых зажата

бутылка пива. – Я был как Златовласка[11]. Вся каша была то слишком горячей, то слишком холодной. И вот наконец я нашел ту самую, которая…

Саммер обрывает его, изображая на лице притворное раздражение:

– Пожалуйста, не заканчивай свою мысль. Твои попытки сравнить меня с разваренной кашей – это просто… Нет, Ретт. Нет.

– Но кленовый сироп, который я так люблю, напоминает мне о…

– Ретт Итон! – Глаза моей сестры расширяются. – Держи себя в руках.

Его губы изгибаются в двусмысленной усмешке, а весь облик источает неприкрытую сексуальность, почти граничащую с непристойностью. Но, вспоминая прошлые проделки Ретта, я понимаю: он человек импульсивный и не привык подбирать слова.

Я моргаю и отворачиваюсь к широким панорамным окнам, за которыми раскинулись заснеженные фермерские поля.

Снегопад даже не думает прекращаться.

– Прости. – Тео стоит рядом со мной, и я поднимаю на него глаза. В первую секунду невольно оглядываюсь, проверяя, обращается ли он ко мне или к кому-то другому. Взгляд цепляется за голову оленя с массивными ветвистыми рога-

[11] Златовласка – героиня из английской сказки «Три медведя».

ми, украшающую стену.

Я указываю пальцем.

– За что? Это ты его убил?

Его губы растягиваются в улыбке, а в уголках глаз появляются маленькие морщинки.

– Я не с оленем разговаривал, Уинтер.

Вокруг завязываются другие беседы, и на Тео больше не обращают внимания. Теперь он смотрит только на меня, и его пристальный взгляд кажется мне почти удушающим.

– Прости, что заставил тебя нервничать по дороге сюда. Я не хотел. Вообще… – Он проводит рукой по волосам, аккуратно выстриженным по бокам, но чуть удлиненным сверху, что придает его облику слегка взъерошенный, сексуальный вид. – Совсем не хотел.

Я киваю, но все же скрещиваю руки на груди, будто так смогу спрятаться от его присутствия.

– Ладно.

Его густые темные брови взлетают вверх.

– Да? Значит… ты принимаешь мои извинения?

– А если нет? – Я с вызовом вскидываю бровь. И в этот момент едва узнаю саму себя.

Неужели я с ним флиртую?

Роб окончательно довел меня до ручки. И вот теперь я на семейном празднике флиртую с мужчиной моложе себя, и не потому, что он мне нравится, а потому что… это приятно.

В его чертах отражается едва ли не трагедия.

– Это было бы жестоко, потому что моя самооценка напрямую зависит от того, нравлюсь я людям или нет. Умение располагать к себе – мое главное достоинство.

Я недоуменно моргаю. В сознании проносится мысль сказать ему, что это далеко не главное его достоинство, но она кажется излишне резкой даже для меня.

– Я буду раздавлен, если не понравлюсь тебе, – добавляет Тео, опускаясь на корточки передо мной. Теперь мы на одном уровне, и это лишь усиливает интимность разговора.

Я закатываю глаза.

– Ты вроде хотел, чтобы я приняла извинения. А теперь мне еще нужно проникнуться к тебе симпатией?

Он пожимает плечами, и у него на лице расцветает игривая улыбка, выделяя ямочки на щеках.

– По сути, это одно и то же.

Я фыркаю. *Этот мужчина*.

– Между этими понятиями огромная разница.

Он быстро скользит кончиком языка по нижней губе, и мой взгляд следит за этим движением.

– Пусть каждый останется при своем мнении.

Я протягиваю руку, словно мы заключаем деловую сделку, и усилием воли натягиваю привычную маску хладнокровия – ту, что не раз выручала меня в прошлом.

– Я принимаю твои извинения, – говорю я нарочито бесстрастным тоном. – Но ты мне не нравишься.

Тео смеется глубоким теплым смехом, словно я для него

забавная задачка, не внушающая ни капли страха.

– Что ж, для начала сгодится, – отвечает он и пожимает мою руку.

Но стоит нашим пальцам соприкоснуться, как по мне вновь пробегает тот электрический разряд.

И на этот раз причина кроется не в сухом воздухе прерий.

4. Тео

Мама

Зря ты не поехал с нами в круиз. Погода здесь чудесная.

Тео

Ты хоть представляешь, насколько это странно – искать себе пару вместе с семьей? На корабле посреди моря? Лучше сразу выброситься за борт.

Мама

По-моему, умение ладить с семьей – одно из важнейших качеств при выборе партнера. Хотя откуда мне знать? Ты же никогда меня ни с кем не знакомишь.

Тео

У меня сейчас нет девушки, которую я мог бы с тобой познакомить.

Мама

А мне кажется, что их у тебя чересчур много.

На протяжении всего вечера я не свожу взгляда с Уинтер. Такое чувство, будто смотрю канал «Дискавери», где гиены из разных стай пытаются найти общий язык или что-то в этом роде. В доме постоянно звучат оживленные разговоры, сменяющиеся взрывами смеха.

Никто преднамеренно не старается поставить ее в неловкое положение. В этом нет нужды. Она сама прекрасно с этим справляется.

Ее голубые глаза цепко следят за происходящим вокруг, а слух улавливает любое оброненное слово, будто она прокручивает в уме каждую мелочь. И всякий раз, встретив мой пристальный взгляд, она так резко отворачивается, что мне кажется: завтра Уинтер проснется с болью в шее.

– Мне пора возвращаться.

Я видел, как она собирается с духом, чтобы это произнести. Нервно перебирала пальцами. Наклонялась вперед, когда в беседе наступала пауза. Приоткрывала рот, но стоило

разговору возобновиться, как она тут же откидывалась на спинку кресла.

В ней удивительным образом уживаются несовместимые черты характера: в один миг Уинтер ведет себя отстраненно и неуверенно, а в следующий – воплощает собой равнодушие и язвительность. И самое поразительное в том, что сначала эта женщина буквально кипела от гнева, будто сорвалась с цепи.

Видимо, она совершенно выбилась из сил.

– Ты сможешь вести машину? – спрашивает Саммер, неизменно внимательная к окружающим.

Уинтер мгновенно переводит взгляд на окно, за которым продолжает падать снег.

Нет.

– Да, я справлюсь.

Я стискиваю зубы до боли. Она не справится. Всего два часа назад Уинтер с трудом управляла автомобилем, и вряд ли, просто поужинав и выпив бокал вина, она обрела ту уверенность за рулем, чтобы преодолеть заснеженную ночную дорогу.

– Я могу подвезти тебя. А завтра мы заберем твою машину, – предлагаю я.

Уинтер фыркает, включая режим «ледяной принцессы», пожимает плечами и задирает нос.

– В этом нет необходимости.

Сидя на кожаном диване напротив, я одариваю ее взгля-

дом, который ясно говорит: «Хватит нести чушь, сладкая».

– Не смотри на меня так.

– Как так? – Я старательно придаю лицу безразличное выражение.

Она тыкает в меня указательным пальцем, выписывая в воздухе зигзаг, а взгляды присутствующих мечутся между нами.

– Будто знаешь все лучше меня.

– В данном случае это правда.

Она сжимает губы в тонкую линию, принимая до крайности чопорный вид.

– Уверяю тебя, нет. Я врач.

– О, неужели? В медицинском университете ты проходила специальный курс вождения по заснеженным дорогам?

– А ты проходил его в школе езды на быках? – парирует Уинтер с нескрываемой едкостью, но меня разбирает смех.

– Не смеши меня. Наездники на быках не ходят в школу. Повезло, что мы вообще научились завязывать шнурки и чистить зубы. – Я демонстрирую ей ослепительно белую улыбку, ничуть не смущаясь от внимания собравшейся публики.

– Я уже в курсе, что завязывать шнурки ты не научился. Да и проблемы с гигиеной, если честно, тоже не стали для меня сюрпризом.

– Я польщен, что ты так пристально разглядывала мои ботинки, что заметила незавязанные шнурки. И с радостью опровергну твои сомнения насчет моей гигиены – видно, она

тебя действительно заинтересовала.

Уинтер прищуривается, а я заливаюсь смехом. Как бы она ни старалась найти способ меня задеть, у нее ничего не выйдет – слишком уж забавной мне кажется эта ситуация.

– На самом деле Ретт часто носит ботинки без шнурков или молнии, – вмешивается Саммер, сопровождая ответ натянутым смешком, явно пытаясь разрядить обстановку.

Жаль, что она не промолчала. Мне нравится смотреть, как Уинтер постепенно оттаивает.

Комната наполняется всеобщим хохотом, а Ретт восклицает:

– Как грубо!

Уинтер пользуется моментом и встает. Затем одаривает Саммер скупыми объятиями, неуклюже похлопывая ее по спине, и даже не оборачивается в мою сторону. Сестры перешептываются, и мое сердце слегка сжимается от этого зрелища.

Я полюбил Саммер как родную сестру, а из того, чем делился со мной Ретт, знаю: пропасть между ней и Уинтер терзает ее душу.

Поэтому убеждаю себя в том, что мои намерения продиктованы исключительно заботой о Саммер, а не потому, что ее сестра обладает неоспоримо притягательным магнетизмом.

– Я тоже ухожу.

– Уже? – спрашивает Ретт.

– Ага. Увидимся завтра в зале? Может, Саммер снова за-

ставит нас рыдать?

Ретт и Джаспер заливаются смехом. Они прекрасно знают, о чем идет речь, ведь сами тренировались с ней. Саммер, несмотря на невысокий рост и доброжелательный вид, в роли персонального тренера превращается в безжалостного тирана. Думаю, ни один из нас никогда не был в такой отличной физической форме, как после начала занятий в «Хэмилтон Атлетикс».

– Не моя вина, что вы все такие неженки, – с усмешкой парирует Саммер, обращаясь к нам. Уверен, ей доставляет удовольствие наблюдать за нашими мучениями.

– Таковы все мужчины, – произносит Уинтер с едкой ноткой в голосе, а затем молча поворачивается, собираясь уйти.

Ее сестра бросает на меня умоляющий взгляд.

– Тео…

Я поднимаю руку, останавливая ее.

– Я прослежу, чтобы с ней ничего не случилось.

Уинтер фыркает из коридора, потому что, разумеется, она обладает еще и сверхчеловеческим слухом. Я лишь закатываю глаза, глядя на Саммер.

– Осторожно, у этой дамочки острые коготки, – предупреждает меня Кейд, за что получает ощутимый тычок локтем от Уиллы.

Я ухмыляюсь:

– Ничего страшного. Мне нравится, когда кто-то царапает

мне спину.

– Я с тобой не поеду. – Уинтер резко срывается с крыльца прямо навстречу буре; снежинки кружатся вокруг, создавая иллюзию, будто она попала внутрь снежного шара.

– Хорошо.

– И разговаривать с тобой тоже не собираюсь.

– Тогда просто молчи, – с усмешкой отвечаю я, замирая на верхней ступеньке.

Ее рот приоткрывается, а затем вновь закрывается.

– Ты невероятно раздражаешь.

– Это профессиональное заключение врача?

– Я… – Ее взгляд скользит в сторону, но я замечаю, как дрогнули уголки ее губ. – Господи, ты невероятен.

Я одариваю ее своей самой понимающей улыбкой.

– Мне это часто говорят.

Уинтер издает грубый сухой смешок и поднимает лицо к беззвездному небу. А когда вновь переводит глаза на меня, у нее на ресницах сверкают снежинки.

– И ты сбиваешь меня с толку. Чего ты от меня хочешь?

Теперь ее голос звучит иначе. Он просто пропитан усталостью. С моего места она выглядит хрупкой и изнуренной,

словно готова то ли рассмеяться, то ли расплакаться, но сама еще не знает, какие эмоции вырвутся первыми.

Мне больше не хочется ее подначивать. На самом деле я желаю лишь заключить в объятия и сказать, что все образуется. Я чувствую, что именно в этом она сейчас и нуждается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.